

Наталья Пушкарева

Позорящие наказания для женщин в России XIX — начала XX в.

«По деревенской улице... с диким воем двигается странная процессия. К передку телеги привязана веревкой за руки маленькая, совершенно нагая женщина. Все тело ее в синих и багровых пятнах, грудь рассечена. Должно быть, по животу женщины долго били поленом, а может, топтали его ногами в сапогах — живот чудовищно вспух и страшно посинел... А на телеге стоит высокий мужик, в белой рубахе... в одной руке он держит вожжи, в другой — кнут и методически хлещет им раз по спине лошади и раз по телу маленькой женщины. Сзади телеги и женщины, привязанной к ней, валом валит толпа...»¹ В отрывке представлено описание «вывода» — истязания женщины за супружескую неверность, которое потрясло 23-летнего Максима Горького. Описанные им события случились в июле 1891 г. в дер. Кандыбовке Херсонской губ., то есть это позорящее наказание для женщин бытовало всего 110–115 лет назад на юге России.

Каковы истоки и пределы жестокости норм обычного и писаного русского права по отношению к женщинам? Как и когда возникла практика применения позорящих наказаний для женщин, под влиянием каких правовых источников? Какие цели могло преследовать подобное наказание и какие последствия имело для униженной позором женщины? Как долго существовало? В чем своеобразие русской риторики позорящего, гендерно-окрашенного насилия в отношении проступков, связанных с женским телом?² К этой теме уже обращались российские антропологи, но далеко не все аспекты этой темы казались поднятыми.³

---

¹ Горький М. Вывод. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/504/p.1/index.html>.

² Лауретис Т. де. Риторика насилия: рассмотрение репрезентации и гендера // Антология гендерной теории / Под ред. Е. И. Гаповой, А. А. Усмановой. Минск, 2000. С. 350.

³ Власкина Т. Ю. Девушка-казачка в предбрачный период // III Конгресс этнографов и антропологов России. М., 1999. С. 207–208; Щепанская Т. Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия /

Неверность, как и *честь*, — понятие, отнюдь не гендерно-нейтральное, оно обрело гендерную окраску вместе с возникновением гендерной асимметрии, после формирования социального неравенства, поскольку гендерное неравенство было исторически первой формой социальной депривации. При этом понятие *мужской чести* многие годы и даже столетия лишь постепенно впитывало в себя тему верности избраннице (в отношении незарегистрированных брачных отношений это происходило особенно долго, и даже в современном общественном мнении понятие мужской, в том числе супружеской, верности слабо коррелирует с представлениями о мужской чести, оставаясь весьма амбивалентным и многозначным).

Иное дело — *честь женская*. Как понятие, оно весьма рано обрело гендерную окраску, и по сей день (если быть точными) женская честь воспринимается именно как соблюдение целомудрия девушкой и супружеской верности замужней женщиной. Любой собеседник, даже не будучи историком, скажет, что нарушение целомудрия и адюльтер для русской женщины — всегда «сором»,⁴ стыд, срам, позор. И в большинстве славянских языков словосочетание «честная девушка» или «честная женщина» предполагает невинность до брака и верность в супружестве.⁵ К какому временному периоду относится формирование такого отношения к тем, кто не сохранил девственности до брака или заводил себе «сердешных друзей» вне семьи?⁶

* * *

К началу XIX столетия писаное светское право приобрело значительное влияние в городах, особенно в крупных и, в частности, в высших слоях общества. Именно оно давало основание судить и оценивать поступки и проступки людей. Проект Уголовного уложения 1813 г. (часть III, 6-е отделение «О наказаниях за обиды против добрых нравов или о стыдных преступлениях») предполагал равное наказание и мужу, и жене за адюльтер: «...церковное покаяние и содержание в монастыре

Отв. ред. В. В. Бочаров, В. А. Тишков. СПб., 2001. С. 115–176.

⁴ Базылев Б., Бельчиков Ю., Леонтьев А. и др. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997. С. 12–13.

⁵ Cvetanovska J. Traditional Punishments for Female Sins // Macedonian Folklore. Skopje, 2001. T. XXIX, N 58–59. S. 564–568.

⁶ Полный обзор истории позорящих женщин наказаний с X по XX век будет опубликован в сборнике, готовящемся к публикации в издательстве «Новое литературное обозрение»: Пушкарева Н. Л. «Стыд — та же смерть». История позорящих женщин наказаний в русском праве X–XX вв. // Женщины и мужчины в повседневных тревогах и радостях (Очерки истории российской повседневности X–XXI вв.) / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева. М., 2012.

от шести недель до 3-х месяцев».⁷ В Своде законов 1832 г. предпринята еще более решительная попытка вывести эти дела из компетенции церкви: дела о прелюбодеянии оставались все еще в ведении духовного суда. То, что касалось морали и нравственности, церковь не собиралась отдавать на откуп светской власти. Свои установления она отождествляла с верностью православию и, шире, христианству.

В XIX столетии брачно-семейные дела рассматривались в соответствии с двумя правовыми традициями, при этом подчас нормы старого права, основанного на византийских нормативных кодексах, прямо противоречили, особенно в имущественных вопросах (уже тогда женщины постепенно получали правоспособность и самостоятельность в имущественных делах), праву новому, светскому, к 1830-м гг. изданному в «Полном собрании законов Российской империи»).

Ни в каких новых собраниях законов не нашлось бы места прописанному в подробностях ритуалу позорящего наказания именно для женщин, но ведь известно, что писаное право в России формировалось несколько в стороне от народных традиций, а совершенствовалось с учетом прежде всего идеологических, экономических, политических запросов именно государства, а не личности. Позорящие наказания в российском светском праве как таковые существовали, но «особость» гендерно-атрибутированных позорящих наказаний, то есть позорных именно для женщин, ни в каких светских сводах законов не была прописана. Однако даже юристы того времени разделяли мнение: позорящие женщин наказания зиждились на стремлении «посрамить виновных, дабы унижить в лице их порок и возвысить значение добрых нравов».⁸

Как и в стародавние времена, небезупречное поведение девушки считалось прегрешением меньшим, нежели проступок (измена) замужней женщины. Ответственность за лишение девственности возлагалась на саму девушку (она или допускала подобные отношения, или не допускала, исходя из известного принципа, приведенного информатором Тенишевского бюро из Ярославской губ.: «Сука не захочет — кобель не наскочит») и на ее родителей и воспитателей. Примечательно, что уступчивость девушки считалась простительной, если она допускала связь с мужчиной более высокого статуса (к ним относились даже волостные писари, не говоря уже о купцах), более богатого, и казалась особо предосудительной, если девушка уступала бедному, могла польститься на «мужика». Богатство, более высокий социальный статус были

---

⁷ *Абрашкевич М. М.* О прелюбодеянии по русскому праву // «А се грехи злые, смертные...» Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века: В 3 кн. / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева. М., 1994. Кн. 2. Вып. 2. С. 442.

⁸ *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. С. 78, 242.

понятными и объяснимыми мотивами, заставлявшими девушку грешить, материальные выгоды отчасти «оправдывали» ее грех. Напротив, ситуация, когда девушка «спутывалась по любви», была совершенно недопустимой и воспринималась как следствие особой порочности и развращенности согрешившей. Девственность была тем особым природным даром, который давался каждой, и бедной, и богатой; но в зажиточных семьях сохранность ее могла быть не самым важным фактором: «...имущественный достаток невесты при выходе в замужество часто покрывает отсутствие в ней целомудрия», заключил информатор из Калужской губернии.⁹

В центральных губерниях для венчания девушки, не сумевшей сохранить девственность, было принято давать очистительную «молитву девке-родильнице», после которой девушка получала очистительную память от поповских старост, последним поручалось и разбирательство дел о внебрачных рождениях.¹⁰ Иногда священник назначал епитимью — это был путь к покаянию. Согрешвшая должна была трижды проползти на коленях вокруг церкви. Есть данные, что уже в начале XX в. у русского населения, например на Украине, этот способ поношения и опозоривания молодой практически не практиковался,¹¹ и «вместо него часто священник обязывает молодую поработать у него несколько дней», — записал информатор Тенишевского этнографического бюро в середине XIX в.

Инициатором (зачинщиком) организации позорящего наказания бывал, как правило, брошенный парень, с которым до того встречалась девушка, обиженный невниманием сосед мужского пола, который и ставил на обсуждение сельского схода «дело об обиде». В сообщениях о штрафах, налагавшихся сходом на родителей (его могли взять и алкоголем),¹² ничего не говорилось о способах проверки «честности» девушек, если это не было связано со свадебным ритуалом. Очень часто вначале пускали слух о нечестности, затем ворота дома, где жила якобы провинившаяся, мазали дегтем, обсуждали на сходе — само привлечение внимания к физическому состоянию девушки уже было позорным.

---

⁹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. СПб., 2004–2007. Т. 2. Ч. 2. С. 198; т. 4. С. 165; т. 3. С. 430. (Далее — РЖБН.)

¹⁰ Снегирев И. М. Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках: [В 4 кн.] М., 1833. Кн. III. С. 33.

¹¹ Чижикова Л. Н. Свадебные обряды русского населения Украины // Русский народный свадебный обряд / Под ред. К. В. Чистова, Т. А. Бернштам. М., 1978. С. 176; Кистяковский А. Ф. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским РГО. Т. 6. Юго-Западный отдел. СПб., 1872. С. 20.

¹² Самосуд // Санкт-Петербургские ведомости. 1875. № 201.

На свадебном пиру важнейшим актом и лиминальным моментом действия была демонстрация «честности» или же публичное признание девушкой своей вины: «Расправы и никаких позорящих обрядов не бывает, если она прежде увода в *комору* сознается, что потеряла девство до свадьбы. Новобрачная, сознаваясь в своей вине, просит, кланяясь в ноги, прощения у отца, матери, свекра и свекрухи... В противном случае совершение позорных обрядов идет своим чередом. Они рассчитаны на то, чтобы опозорить мать, отца и даже всю родню невесты...»¹³

В Литве и в Малороссии существовал обычай наказывать девиц, нарушивших целомудрие, сажанием при дверях церкви на железную цепь (в западнорусских землях она называлась *куницей* или *куной*, а в Малороссии — кандалами).¹⁴ О нецеломудренной девице говорили: «...отцу-матери бесчестье, роду-племени укор». Потому в процессе народного свадебного ритуала все так же демонстрировалась рубашка новобрачной (в редких случаях предполагалось даже появление невесты перед гостями в брачной рубашке с кровавыми пятнами; иногда невесте в такой рубашке полагалось вымести пол с остатками разбитых в ее честь склянок, чаще же брачную рубашку выносили и, показав, вместе с четвертью вина и благопожеланиями отдавали родителям новобрачной, которые могли даже сплясать на радостях на рубашке своей дочери).¹⁵ Обычно демонстрация «почестности» новобрачной проводилась во время свадебного пира, перед разрезанием жаркого: «В старину перед жарким поднимали молодых. Этот обряд, установленный для женской непорочности, соблюдался в то время так строго, что когда подавали первое жаркое, то все общество требовало, чтобы *показали честь новобрачной*, а без того не разрезывали жаркого».¹⁶

По обрядам, окончательно сформировавшимся к середине XIX в., целомудренность или нецеломудренность должна была быть обнаружена рано в понедельник или же ночью с воскресенья на понедельник.¹⁷ Основным знаком, свидетельствующим, что жених нашел невесту целомудренной (если не выносили рубашку), было битие посуды, стаканов, бокалов — символ благополучного нарушения целостности главного

¹³ Кистяковский А. Ф. К вопросу о цензуре нравов у народа // «А се грехи...»... Кн. 2, вып. 1. С. 529; РКЖБН. Т. 5. Ч. 2. С. 409; т. 2. Ч. 2. С. 359; т. 3. С. 313.

¹⁴ Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. II: Свадьбы. СПб., 1848. С. 111.

¹⁵ РКЖБН. Т. 2. С. 429.

¹⁶ Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях // Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год. СПб., 1824. С. 303.

¹⁷ Записано по наблюдениям, сделанным в с. Симопирах Сосницкого уезда Черниговской губ. г-ном Максимовичем // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским РГО. Т. 6: Юго-Западный отдел. СПб., 1872. С. 459–460.

девичьего «сокровища».¹⁸ На Нижегородчине свадьба без битья посуды считалась «невеселой» как раз потому, что дальше следовало опозорение. Совершенно противоположный обычай описал информатор из Калужской губ. Там молодому положено было бить посуду, «ломать и грызть» ложки в знак разочарования нецеломудренностью, несохранностью невесты.¹⁹

Нецеломудренность невесты — «Хорош соболек, да измят!» — мог осуждать только новобрачный и его род, причем особое право срамить имели не только мужчины, но и женщины мужниного рода — мать и сестры мужа, невестки.²⁰ Избиение молодым своей жены нагайкой за несохранение девственности описано в литературе XIX в., но нет данных о распространенности; скорее, типичным было сокрытие молодоженом провинности его избранницы.

В Черкасском уезде Киевской губернии было принято, чтобы нецеломудренную невесту наказывала мать жениха, а жених останавливал ее в какой-то момент, указав, что теперь он хозяин молодой: «...лишившаяся девственности до свадьбы не идет к столу, а подползывает на коленях под стол, из-под которого должна показывать свое лицо. Мать [жениха] всякий раз, когда молодая выдвигает голову, бьет ее по лицу, это продолжается до тех пор, пока муж не запретит (“в моей хате никому не дам своей жинки быты”). Тогда уж молодая выбиралась из-под стола и садилась около мужа».²¹

Опозорение отца девушки, не сохранившей девственности, происходило редко, но все же отдельные случаи бывали (решением одного волостного суда в Каменецком уезде было определено подвергнуть отца наказанию розгами за провинность дочери, прижившей внебрачное дитя; аналогичные случаи описаны в Кинешемском уезде).²² На Дону принятым способом поношения родителей, не сберегших девственности дочери, было исполнение срамных песен, надевание на шею венка из соломы или баранок, одаривание матери или, если невеста была сиротой, воспитательницы селедкой или таранькой (вместо курицы, которую клали на колени матери или воспитательнице, которые уберегли дочь или воспитанницу от соблазнов). В Калужской губернии срамили прежде всего мать новобрачной, а не ее саму, именно мать могли впрячь в борону и заставить провезти борону за собой по деревне.²³

---

¹⁸ РКЖБН. Т. 4. С. 267.

¹⁹ Там же. Т. 3. С. 210.

²⁰ *Киркор А.* Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Этнографический сборник. Вып. III. СПб., 1854. С. 149.

²¹ *Кистяковский А. Ф.* К вопросу... С. 554

²² Уголовное решение № 153 // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским РГО. Т. 5. СПб., 1855. С. 206.

²³ РКЖБН. Т. 3. С. 313.

Напротив, осрамление свахи (вместо родителей или вместе с родителями не сохранившей чести девушки) было распространенным явлением. В Поволжье (Свияжск) существовал ритуал паренья свахи: со сватавшую нечестную невесту сваху клали на улице на лавку, задирали подол и били венником, посыпая на тело снег²⁴ (за «нечестность» одной женщины должна была отвечать другая женщина, но непременно женщина!). В Витебской губернии хомуты — атрибут позора — надевали и дружкам, и сватам («и водили по деревне, причем шлея хомута тащится по земле»), не говоря уже о родителях и свахе.²⁵

В иных местах на воротах или на крыше дома невоздержанной невесты вывешивали хомут, в других — мазницу, в иных — рогожу, обмазывали нечистотами стены дома; пробивали в печи дыру, обмазывали стены грязью, били окна в доме родителей невесты. В иных опозорение выражалось в том, что кто-нибудь из свадебных «бояр» лез на крышу хаты невесты с ведром воды и оттуда брызгал водой — символический знак невоздержанности новобрачной, ее готовности давать всем, чтоб каждому попало (как брызги воды). Есть данные, что в иных местах втаскивали на крышу дома разьеженное колесо или, если дело обнаруживалось зимой, старые сани.²⁶ Все действия сопровождалось словесным поношением, среди обычных позорящих слов были *блядь, потаскуха, сволочь* [от *волочить, сволакивать*. — *Н. П.*], *подкладня, паскуда нестоящая*.²⁷

Самым распространенным наказанием было надевание на шею²⁸ лошадиного хомута «без гужов» (веревки, иных частей упряжи) — символа «озверения», близости миру животных²⁹ — и одновременно «антипода» цветочному венку, символу девственности. Надевание хомута являлось измененной, более гуманной формой припрягания к лошади (так поступали с замужними) как акта усмирения. Кроме того, как вид кольца или обруча, хомут символизировал вульву. Его могли повесить на гвоздь, наскоро вколоченный над притолокой, а чаще надевали на шею не только провинившейся невесте, но и отцу, матери. На такой случай наскоро делали даже несколько соломенных «хомутов, намазанных смолой и раз-

²⁴ Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М., 2001. С. 92.

²⁵ РКЖБН. Т 2. Ч. 2. С. 359; Смирнов А. Г. Обычаи и обряды русской народной свадьбы. 1878 // «А се грехи...»... Кн. 1. Вып. 2. С. 602.

²⁶ Краснов Н. Исторические очерки Дона. I: От Разина до Булавина. // Русская речь: Журн. литературы, политики и науки. СПб., 1881. С. 427; Кистяковский А. Ф. К вопросу... С. 529, 552.

²⁷ РКЖБН. Т. 3. С. 555.

²⁸ Там же.

²⁹ Рыблова М. А. Огонь, вода и сковорода: к вопросу о позорящих наказаниях по обычному праву у донских казаков // Дикаревские чтения—13. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 г. Краснодар, 2007. С. 397—414.

ными гадостями». ³⁰ В Малороссии хомут делался из соломы, косу распускали, девушкино лицо могли прикрыть платком и в таком виде водить по улицам. Иногда в знак позора девушке оголяли ноги, «подвязав ей платье к поясу соломенными веревками». ³¹ Обычай позорить хомутом, надеваемым на шею (свахе, родителям невесты и ей самой), быстро получил распространение у других народов, населявших Россию. ³²

Были и другие типичные позорящие действия: измарать рубаху девушки сажей (со словами «Запачкала ты себя с таким-то каким-то беззаконием!»), сажей или дегтем, который из-за черного цвета также был в крестьянском быту символом бесчестья и зла, ³³ и, перепачкав рубаху, провести по улицам без юбки. ³⁴ Есть свидетельства информаторов о том, что мазали ставни и стены дома дегтем со словами: «Если любишь, то люби одного», — тем самым указывая, что жизнь следовало стоить с тем, кто растлил девство. Важной стоит признать оговорку, что «насмешные наказания» по отношению к девушке применялись, когда «было на то согласие ее родителей и родных» (Орловский уезд: некоторые родители не позволяли так срамить свою дочь, а иные, напротив, приходили на сходку и просили о том). ³⁵

Не менее распространенным способом опозоривания невесты во время свадебного пира было «подать родителям “худой” (т. е. плохой, дырявый) кубок с вином, прорванный в середине блин, а к дуге телеги привязать худое ведро». ³⁶ Случалось, на головы сватам и отцу такой невесты надевали дырявый горшок. ³⁷ Сама лексема «худой» в русском

---

³⁰ Смирнов А. Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа // «А се грехи...»... Кн. 2. Вып. 1. С. 602; Кистяковский А. Ф. К вопросу... С. 554; Аргудява Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. — начало XX в.). М., 1997. С. 104.

³¹ Смирнов А. Г. Очерки... С. 247; Журавченко М. М. Наблюдения, сделанные в селе Оптове Черниговской губернии // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским РГО. Т. 6. Юго-Западный отдел. СПб., 1872. С. 461.

³² Федянович Т. П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (кон. XIX в. — 1980-е гг.) М., 1997. С. 40—41.

³³ Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 100; РКЖБН. Т 2. Ч. 2. С. 359; Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 243.

³⁴ Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту. Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева. Брянск, 1907. С. 26.

³⁵ Рыблова М. А. Огонь, вода и сковорода... С. 5; Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX — начале XX в. / Под ред. А. А. Никишенкова. М., 2003. С. 174; Филиппов М. А. Взгляд на русское судоустройство и судопроизводство // Современник. 1859. № 4. Отд. 1. С. 218.

³⁶ Липинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд. М., 1978. С. 197.

³⁷ Миненко Н. А. Женщина-казачка в Урало-Сибирском социуме XVIII — начала XX в. // Женщина в истории Урала и Сибири XVIII — начала XX в. Екатеринбург, 2007. С. 121.

языке означает одновременно и «плохой», и «дырявый». В Олонецкой губернии ритуалы, связанные с бесчестием девушки, проводились на следующее утро, когда молодой с дружкой и сватом должны были получить от тещи яичницу. Если невеста была целомудренна — желток яичницы вырезали, и дружка в образовавшееся отверстие лил масло, а чашку, из которой он его вылил, разбивал. Если нет — яичницу резали на куски.³⁸ В Полесье нецеломудренной невесте и ее родным давали несладкую, а иногда и просто соленую кашу.³⁹

В Архангельской губернии срамить девушку, незаконно прижившую ребенка, к концу XIX в. стало не принято, однако ее могли отлучить от родительского дома, другие женщины отказывались дружить с ней. Если худая молва о лишившейся девственности подтверждалась, то девушку могли лишить права сплести волосы в одну косу, *по общему приговору* она должна была убирать их в две косы без девичьей повязки, покрывая их *волосником* (отсюда термин «самокрутка»). Обряд «покрытки» у малороссов был не столько позорящим, сколько, напротив, «сглаживающим» прегрешение девушки в глазах общественного мнения.⁴⁰ иной головной убор показывал, что девушка теперь принадлежит к другой возрастной группе, поскольку ей уже было нельзя заплетать девичью косу (отсюда полесское выражение «росчесав їй косу до вінца»).⁴¹ И в русских селах такое посрамление не имело характера публичного наказания, его всегда совершали отдельные «заинтересованные» лица.

Чем дальше от крупных городов и столиц, где наблюдался переизбыток мужского населения, тем терпимее было отношение к лишению девственности. Если в Калужской губернии информатор сообщал, что «случаев, когда бы девушка, имея незаконнорожденного ребенка, вышла замуж, не было», то совсем недалеко от тех мест, в Тверской губернии, «никакого публичного посрамления оказавшейся нецеломудренной» не устраивалось.⁴² Нет данных, что ритуалы позора с «участием» девушек проводились более-менее систематично в Казанской губернии — там к концу XIX столетия вообще бытовало однозначное присловье: «Жену с почина берут».⁴³ В Пермском крае родители не видели ничего дурного в том, чтобы девушки искали любимого еще до свадьбы,⁴⁴

³⁸ Смирнов А. Г. Очерки... С. 602.

³⁹ Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. С. 180–181.

⁴⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1866. С. 121; Нос С. Д. Покрытка // «А се грехи...»... Кн. 2. Вып. 1. С. 524–525.

⁴¹ Кабакова Г. И. Антропология женского тела... С. 153.

⁴² РКЖБН. Т. 1. С. 469.

⁴³ Заметка о грамотности и нравственности крестьян Лаишевского уезда // Казанские губернские ведомости. 1865. № 47. С. 4; Даль В. И. Толковый словарь...

⁴⁴ Смирнов А. Г. Очерки... С. 248.

а в Мезенском уезде (на Севере), где практиковался свальный грех, невинность девушки вообще ценилась мало. Напротив, там родившая девушка скорее находила себе мужа, чем сохранившая девственность.⁴⁵

Информатор Тенишевского этнографического бюро, описывая Сольвычегодский уезд Вологодской губернии так заключил свои ответы на соответствующий перечень вопросов: «Редкая девушка не дает *потыркать* (глагол совокупления не в грубой форме) своему миляшу до свадьбы... Мужики говорят, что без этого нельзя жить, а бабы — “Ой да ще, ведь нам пушае вашего хочесь!”»⁴⁶

Никаких посрамляющих обрядов на Русском севере не устраивали, хотя в целом девственность невесты ценилась.⁴⁷ Можно сказать, что в отдаленных от центра сибирских деревнях происходило то же самое: в условиях переизбытка мужчин (золотоискателей и рудознатцев) возможность интимных отношений с женщиной ценилась не только на словах, но и на деле. Родители девушек, иной раз получавшие большие компенсации за несохраненную девственность своих дочерей, имели свою выгоду: «...ребенок у дочери-девушки нисколько не бесчестил», его охотно воспитывали, отвечая укоряющим: «Плевок моря не портит».⁴⁸

Что касается центральных районов России, то до 1861 г. помещики приказывали отрезать косу провинившейся девушке в качестве посрамления.⁴⁹ Вообще острижение волос было одним из наиболее распространенных женских позорящих наказаний.⁵⁰

Такие наказания сохранялись благодаря традиции, возникшей существенно раньше благодаря распространению норм христианского брака, и это была традиция, связанная с поддержанием идеи высокой ценности девственности до брака. На протяжении нескольких десятилетий и до середины — конца XIX столетия на это указывали в своих сообщениях информаторы из Ростовского, Пошехонского, Владимирского, Дорогобужского (Смоленская губ.) и многих других уездов.⁵¹ Но вот

---

⁴⁵ РКЖБН. Т. 3. С. 330; *Г-в А.* Внебрачные рождения в Архангельской губернии // Архангельские губернские ведомости. 1870. № 77. С. 3; *Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1867 и 1868 г. Вып. 3. Архангельск, 1869. С. 46; *Селькова М. Л.* К изучению семейных юридических обычаев на территории Архангельской губернии XIX в. // История и культура Архангельского Севера. Вологда, 1986. С. 123.

⁴⁶ РКЖБН. Т. 5, Ч. 3. С. 663.

⁴⁷ Там же. Ч. 4. С. 210.

⁴⁸ *П. П.* Заметка для нравственной статистики // Современник. СПб., 1858. Т. LXXII. № XI. С. 105–109.

⁴⁹ *Смирнов А. Г.* Очерки... С. 247.

⁵⁰ *Соловьев Е. Т.* Самосуды у крестьян Чистопольского уезда Казанской губернии // Записки Императорского Русского Географического общества. 1878. Т. VIII. Отд. III. С. 17.

⁵¹ *Громыко М. М.* Мир русской деревни... С. 96.

уже в 1841 г. один из наблюдателей крестьянского быта в Калужской губернии записал: «Целомудрие не имеет большой цены в глазах нашего народа <...> во многих губерниях, как, например, в Калужской, уже уничтожился старинный обычай вскрывать постель молодых. Отец и мать говорят жениху: “Какая есть — такую и бери, а чего не найдешь — того не ищи!”»⁵²

В Вологодской губернии простая обыденная мудрость в отношении целомудрия девушки хотя и предписывала соблюдать нравственную чистоту, поскольку «принесшая ребенка» считалась «провинившейся», но в случае неудачи уже не предполагала обязательность публичных оскорблений («разве что муж буде поколотит») и издевательств («никаких посрамляющих обрядов не устраивается»).⁵³ К рубежу XIX–XX вв., записал информатор Тенишевского бюро, в том крае «девки сами умудряются обходиться без последствий»: сама по себе утрата девственности перестала быть фактом, который следовало обнародовать, по крайней мере в этом регионе, и при заключении брака молодые стали меньше придавать этому значения. «Вообще об отношениях молодежи можно сказать, что баловаться стало просто», — заключил современник.⁵⁴ «У кого[-то] приданое шито-крыто, а у кого[-то] на люди открыто!» Народная молва с известной просторечию прямоотой отразила изменение взглядов относительно обязательного девственного состояния перед свадьбой грубым, но точным присловьем: «П...а хоть и дырява, зато морда не корява!»⁵⁵ — действительно, внешняя привлекательность вышедшей замуж оказывалась куда важнее сохранения девственности до венца. А уж если добрачную беременность удавалось «прикрыть венцом» — вопрос о том, что случилось до счастливого события, вообще старались не поднимать: «Крута горка, да забывчива». На Вологодчине тещь (отец беременной невесты), по обычаю, давал за дочкой еще и корову к приданому — «для прокормления младенца».⁵⁶

Напрасность позорящих наказаний точно описал информатор из Варнавинского уезда Костромской губернии: «Хоть срами, хоть нет, а другую жену уж не дадут»: к рубежу веков «если супруг не найдет в молодой жене того, что соответствовало его ожиданиям, то, самое

⁵² РКЖБН. Т. 3. С. 432; Т. 4. С. 232; *Заблоцкий-Десятовский А. П.* О крепостном состоянии в России. Записка 1841 г. // «А се грехи...»... Кн. 2. Вып. 2. С. 707.

⁵³ РКЖБН. Т. 5. Ч. 1. С. 363, 366. Иногда формой пожизненного наказания «провинившейся» была отдача замуж за более бедного жениха, из менее состоятельной семьи, чем невестина (Там же. Т. 4. С. 407, 411). На Дальнем Востоке аналогичным наказанием была отдача согрешившей замуж за китайца (*Аргудяева Ю. В.* Крестьянская семья... С. 139).

⁵⁴ РКЖБН. Т. 5. Ч. 1. С. 575.

⁵⁵ Российский этнографический музей. Рукописный отдел (далее — РО РЭМ). Ф. 7. Оп. 2. Новгородская губ. Д. 778. Л. 2, 4.

⁵⁶ РО РЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 778. Л. 13; РКЖБН. Т. 5. Ч. 2. С. 479.

большее, будет ее поначалу тузить, а со временем дело обойдется». ⁵⁷ Судя по источникам, в Калужской губернии в конце XIX в. постепенно стали более снисходительно относиться к добрачным отношениям молодых. Если в начале столетия родня позорила девушку словами о том, что та «замарала хвост» до свадьбы, то в конце на все укору молодая, как сказывали, могла ответить: «Свой чемодан — кому хочу, тому и дам!», «Поспала — ничего не украдала!», «От этого не полиняешь!», «Не позолота, не слиняешь оттого, что похватали!» ⁵⁸

В Ярославской губернии были записаны «отговорки» женихов, женившихся на нецеломудренных невестах: «У нее не лужа — достанется и мужу!», «Это добро не мыло — не смылится!». Такие примеры показывают, что отношение к соблюдению невинности изменилось.

Если раньше «старожилы говорили, что девушка, родившая ребенка, могла выйти замуж только за отца этого ребенка...», ⁵⁹ то уже к началу XX в. отношение к растленной девственности стало иным. Православное представление о ценности любой человеческой жизни постоянно вступало в противоречие с практикой позора и поругания оступившейся. И все чаще после рождения внебрачного ребенка окружающие проявляли меньше строгости: девице прощали ее ошибку, человечность брала верх над моральным принципом. Мать или бабушка той, что согрешила, на любые нападки привычно отвечала: «Чей бы бычок ни скакал, а телятко наше» («Грех да беда, с кем не бывала!», «Грех сладок, а человек падок!»). Но в идеале, конечно, девушке нужно было постараться «устоять» до венца, об этом говорят и частные акты 1890-х гг. ⁶⁰

Кроме того, к рубежу веков народная традиция выработала и ритуал «снятия» с девушки напрасного обвинения в бесчестном поведении, ⁶¹ и более щадящие способы обнародования «почестности». Так, в Вологодской губернии, по словам информатора, в 1898 г. во время свадьбы ограничивались вопросами и ответами в форме эвфемизмов («Грязь ли топтал или лед ломал?» — «Лед ломал», — именно так почти всегда отвечал жених, «если не хотел делать огласки». ⁶² В Верхнем Поволжье,

---

⁵⁷ РКЖБН. Т. 1. С. 64, 214.

⁵⁸ Там же. Т. 3. С. 555–556.

⁵⁹ Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 218.

⁶⁰ Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 465; Ч. 2, С. 198; *Бальжанова Е. С.* Мир женских грехов // *Женщина в истории Урала и Сибири XVIII — начала XIX в.* Екатеринбург, 2007. С. 69.

⁶¹ Девушка могла обратиться к старосте и просить его собрать сходку. Порядок такой сходки описан наблюдателем из деревни Мошковой Орловского уезда. На сходке должны были присутствовать все парни общины. Девушка, по инициативе которой был создан сход, вызывала оскорбителя словами: «Кто меня обесчестил, выходи ко мне и обвиняй судом». Община всегда соглашалась провести расследование. Если девушка оказывалась невиновной, участники сходки кланялись ей в ноги со словами: «Прости нас ради бога, ты не виновата» (*Громыко М. М.* Мир русской деревни... С. 99).

⁶² РКЖБН. Т. 2. Ч. 2. С. 562.

на Дальнем Востоке и в Сибири вместо окровавленной рубашки просто выносили и ставили в присутствии гостей бутыль или даже веник, обвязанные красной лентой, пирог с гроздью красных ягод, стлали под ноги красное полотенце).⁶³

* * *

Что касается *наказаний для замужней женщины*, то служители культуры предпочитали представлять нарушение установлений и предписаний в этой сфере жизни как посягательство на устои. Народные формы высмеивания женской неверности не только не осуждались ими, но и негласно поддерживались. Как и раньше, мужчине за прелюбодеяние полагалось только моральное наказание со стороны духовного отца. Иное дело — женщины. В высших образованных слоях общества следствием адюльтера мог быть развод, но он влек за собой негласные ограничения для разведенного мужчины в продвижении по служебной лестнице, ему могли не разрешить занимать определенную должность. Так, герои знаменитого романа Льва Толстого «Анна Каренина» попали именно в такую ситуацию.⁶⁴ В «необразованных» слоях общества все было иначе, там применялись позорящие наказания. Руководствуясь обычным правом, сельские старосты, старики («знающие люди»)⁶⁵ и не думали, похоже, о том, каковы последствия унижения личного достоинства. Те, кто мог бы остановить жестокие действия, как правило, молчали, рассуждая так: к замужним, вступившим в связь, надо относиться строже, чем к растлившим девство («Такие бабы вдвойне грешат — и чистоту нарушают, и закон развращают... *растацихи, несоблюдихи*»)⁶⁶

Стараясь развестись с нелюбимыми женами, мужа чаще всего обвиняли последних в супружеской измене. Это был верный способ расторгнуть брак, потому и прошений такого рода — и опубликованных, и архивных — сохранились сотни.⁶⁷ Если судить по решениям волостных

⁶³ *Аргудьева Ю. В.* Крестьянская семья... С. 208; *Зорин Н. В.* Русский свадебный ритуал... В ином случае — растления девственности — к бутылкам привязывали черные ленточки, около дома новобрачных вывешивали черные флаги, свата, одетого в какое-нибудь рубище и положенного на лавку, пороли ремнем «палачи», выбранные из родственников жениха (РКЖБН. Т. 2. Ч. 2. С. 359).

⁶⁴ Анна не могла признать себя виновной, ей нужны были бы свидетели, которые заявили бы об ее связи с Вронским. Но даже в этом случае она ничего не выигрывала: закон признал бы ее «падшей», ей запретили бы видеться с сыном, и, самое главное, церковь никогда не разрешила бы ей выйти замуж второй раз.

⁶⁵ *Бреус И. С.* Прошлое и настоящее обычного права: к вопросу о содержании термина // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии / Ред. Н. И. Новикова. М., 2003. С. 157.

⁶⁶ РКЖБН. Т. 2. Ч. 2. С. 378.

⁶⁷ *Труды* Комиссии по преобразованию волостных судов: Словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения: В 5 т. СПб., 1872–1874. Т. II. С. 183; т. III. С. 88; т. IV. С. 654. (Далее — ТКПВС.)

судов, формальное, предписанное светским судом наказание для женщины за супружескую неверность было несерьезным: недолгий арест, или общественные работы, или, крайне редко, по отношению к самым бедным, наказание розгами.⁶⁸ Пострадавшему от неверности жены мужу светское официальное право давало и такой выход, как изгнание жены-изменницы из дома без средств к существованию (приданое, внесенное ею при вступлении в брак, оставалось у бывшего супруга).⁶⁹

В отличие от мужей, жены практически не могли реализовать свое право на развод, если причиной подачи прошения о нем были семейные конфликты. Редкий муж соглашался развестись, «а без согласия мужа ей паспорта не дадут... случаев же, чтобы супруги добровольно разошлись, не встречалось в деревне и окрестности», правда, и «о разных наказаньях за измену не слышно».⁷⁰

Согласно народным представлениям, практически в любых преступлениях было принято обвинять женщину. Один из информаторов, проживавший в Ярославской губернии, так объяснил это: «На вопрос, почему он простил своего брата [домогавшегося жены шурина. — *Н. П.*], ответил: “Брат мой не виноват, женщина всякого парня может соблазнить, как Ева соблазнила Адама, так и жена моя соблазнила моего брата”».⁷¹ В сущности, подобным образом объяснялась и мотивация позорящих наказаний для женщин: «...надо б с лица земли стереть или сделать такое наказание, чтобы и другие боялись, не попустили на распутство, соблазн на весь мир...»⁷²

Самые детализированные описания ритуалов опозорения оставили их очевидцы, проживавшие в юго-западных и центральных районах России в середине XIX в. Рассказы о них заставляют сделать вывод о том, что инициаторами унижительных действий выступали те, кто вначале хотел получить денежную компенсацию за свое «знание», а когда шантаж не удавался, устраивали издевательство над женщинами (как правило, одинокими, надолго оставленными супругами, занимавшимися отхожими промыслами, и вдовами). С одной стороны, их некому было защитить (ни мужа, ни родных, ни родителей), с другой — они были бедны настолько, что не могли откупиться.

Богатых, пользовавшихся защитой недалеко живущих родных, никто позорить бы не решился. Заковывали в железо и «вязали столбу на несколько дней», водили обнаженных «с музыкой», с венками из «будяков» (репьев) на головах, по пути избивая, засыпая глаза придорожным песком, заставляя танцевать или целовать измазанные дегтем ворота,

---

⁶⁸ ТКПВС. Т. I. С. 402; т. II. С. 35; т. III. С. 11, 55, 414.

⁶⁹ Там же. Т. II. С. 183; т. III. С. 233–244; т. IV. С. 654.

⁷⁰ РКЖБН. Т. I. С. 477.

⁷¹ Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 359.

⁷² Там же. С. 375.

только тех, кто был бесправен, беспомощен и бессловесен.⁷³ Причем «особо отличались» во время ритуала опозорения — гиканьем, криками, оскорблениями, бросанием камней в падшую женщину, — дети, подростки, но главным образом женщины-соседки.⁷⁴

У казаков за супружескую измену полагалось «зимнее купание на аркане в проруби», особенно если мужу удавалось поймать жену с «блудодейником». Кроме того, «за продерзости, чужеложество и за иные вины, связав руки и ноги, и насыпавши за рубашку полные пазухи песку, и зашивши оную или с камнем навязавши, в воду метали и топили за несоблюдение чести». Те, «у кого сердце было погорячее», сразу отсекали жене голову шашкой, вырезали шашкой ремни на спине у жены (рана либо заживала, либо была смертельной). «Иные, раздев жену донага, привязывали на дворе и оставляли на съедение комарам или близ *муравейника* — на съедение муравьев».⁷⁵

К позорящим наказаниям жен, изменивших долго отсутствующим мужьям, относятся различные формы остракизма, небрежения и игнорирования жен супругами после возвращения. В задонских станицах Черкасского округа на супружескую неверность принято было «смотреть с негодованием и презрением»: в старину, коли «узнавали о противозаконной связи, ловили виновных, связывали их руки и водили по станице с барабанным (в жестяной казан) боем». Есть данные, что виновных водили полураздетыми — это тоже было элементом опозорения.⁷⁶ «Мальчишки били в печные вьюшки, заслонки и тазы; мужики насмеялись острили и ругались, женщины разговаривали, обсуждая дело, но вообще вели себя сдержаннее». Широко распространенным был казацкий обычай в качестве наказания неверной жене «не принять от нее поклона» (по возвращении казак должен поднять и поцеловать жену, и если он того не делает, то это позор, за которым следовали побои (но уже в курене)).⁷⁷

Очень важным для казаков было публичное признание вины женой-изменницей. Иногда и только оно одно могло спасти от позорящего наказания. И если женщина шла на это — казаку полагалось простить виновную: «Если жена в отсутствие мужа изменит ему, то при его возвращении она, несмотря на все собрание народа, повергается перед ним на колени, сознается в проступке и просит прощения. Казак

---

⁷³ Киевлянин. 1870. № 131.

⁷⁴ *Наказание через посрамление* // Русский курьер. М., 1879. № 64; *Образчик крестьянского суда* // Московские ведомости. 1887. № 197 (из «Саратовского листка»).

⁷⁵ *Сухоруков В. Д.* Общежитие донских казаков... С. 265; *Харузин Н. Н.* К вопросу о борьбе Московского правительства с народными языческими обрядами и суевериями в половине XVII века // «А се грехи...»... Кн. 1. С. 465.

⁷⁶ Русские ведомости. 1885. № 113; *Абрашкевич М. М.* О прелюбодеянии... С. 453.

⁷⁷ Русские ведомости. 1882. № 210.

должен — пусть скрепя сердце — простить жену, и если даже она прижила детей с любовником. Их полагалось признать своими... Если же жена не осмеливалась выйти навстречу мужу, ее ожидали нескончаемые побои».⁷⁸

В целом, у донских казаков на свободу поведения замужней казачки смотрели «обыкновенно снисходительно».⁷⁹ В донских говорах внебрачных партнеров называли *любашами/любашками*.⁸⁰ В иных губерниях мужики, имевшие по договоренности одну женщину в любовницах (зачастую мужняя жена спала не только с мужем, но и с его приятелем или с отцом мужа, то есть свекром), звали друг друга *свояками*.⁸¹ Примерно то же самое в отношении замужних женщин неожиданно описал калужский информатор, по данным Тенишевского фонда: «Если молодая впадет в грех, соседи снисходительно относятся к ее проступку. “Разве ей не хочется? Суди Бог, а не люди!”»⁸²

Любопытно, что в некоторых российских губерниях, например Ярославской, мир допускал месть законной жены женщине-разлучнице в виде позорящих наказаний: битья окон, вымазывания сажей и дегтем ворот (однако к рубежу XIX–XX вв. волостные суды уже смотрели на это как на самоуправство и осуждали).⁸³ У казаков и жителей Вологодчины практиковались всевозможные позорящие наказания для таких жен, подчас вдов, которые готовы были стать любовницами, увести мужей из своих семей, «сманивать» к себе. В качестве позорящего наказания пострадавшая могла наказать обидчицу: разбить окна в доме разлучницы,⁸⁴ отрезать хвосты у ее скотины, обмазать ее курень дегтем, избить (при участии соседей) — вплоть до того, чтобы поджечь, убить, отрезать косу, испортить одежду и иное имущество.⁸⁵

В то же время ситуации, когда и муж-казак, и жена-казачка имели «друзей» на стороне, но жили друг с другом в полном согласии, зазорной не считалась,⁸⁶ но была редкой. Народные представления о справедливости и не только допустимости, но и необходимости физического

---

⁷⁸ Московский вестник. 1860. № 11. С. 28.

⁷⁹ *Номикосов С.* Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 320.

⁸⁰ *Барретт Т. М.* «Не годится казаку жить одному»: Женщины и гендер в казацкой истории // *Нестор*. 2007. № 11. С. 271.

⁸¹ На такое сожительство, как рассказывали, смотрели равнодушно, если оно всех устраивало, и сам законный муж склонен был говорить: «Не капуста — не вчерпают допуста», «Не малина — не объедят», «Какая была — такая и останется» (РКЖБН. Т. 3. С. 554).

⁸² Там же. С. 552.

⁸³ Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 365; Ч. 1. С. 463.

⁸⁴ РО РЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 378. Л. 2.

⁸⁵ Донские областные ведомости. 1876. С. 44; 1881. С. 60; РКЖБН. Т. 4. С. 149.

⁸⁶ *Харузин Н. Н.* К вопросу о борьбе... С. 280.

наказания жены-изменницы мужем были практически неоспоримыми на протяжении всего XIX в. В центральных и южнорусских губерниях мужья избивали жен за неверность особенно зверски. Сохранилась масса их описаний. Били ременными прутьями, повесив вниз головой «к переводине на дворе собственного дома», привязав к сохе или за волосы к потолочной балке, припрядывали «косой к хвосту лошади и в таком виде» непрерывно избивали сидя на лошади верхом — «соседи смотрели на это равнодушно: «свой муж, что хочет, то и делает».⁸⁷ «Ни один человек не осмеливался сказать даже слово за страдальицу в той уверенности, что это дело правое, что муж имеет неограниченную власть над своею женою»: ⁸⁸ «...один казак, заподозрив в измене свою жену, привязал ее косами к оглобле и с этой несчастной пристяжной проехал во всю прыть до соседнего форпоста».⁸⁹

Даже на Русском Севере, где крестьяне практически никогда не позорили жену, которая *баловала*, считалось необходимым дать волю супружеской мести, да и из хозяйственных соображений мужу выгоднее было «скорей бить-учить, чем гнать» ее.

Баловством занимались тем чаще, чем скорей распространялось отходничество, о котором информатор из Вологодчины сказал, что оно имело «пагубное влияние: возвращаются почти каждая падшими».⁹⁰

В Ярославской губернии муж жены-изменницы так же, по обычаю, избивал ее до полусмерти — исключения составляли только случаи сожительства жены с богатым человеком, «когда муж мог за счет жены пожить деньгами, в этом случае муж бил жену лишь для блезира, для вида, чтобы над ним не смеялись соседи».⁹¹ Если в Поволжье по народному обычаю связанную виновницу полагалось избить именно «на народе», публично, а не только (и не столько) дома,⁹² то в Твери, Костроме и на Русском Севере считалось правильным «сора из избы не выносить»; там же всеми делами о супружеских изменах ведали старики, а не волостные суды. Помимо избиений, распространенной там формой опозорения было отрезание косы у жены.⁹³

⁸⁷ *Наказание* мужем жены // Русские ведомости. 1884. Июль. № 268. С. 308; *Н. Н.* Из станицы Голодаевки // Донские областные ведомости. 1879. № 99. С. 95; *Крюкова С. С.* Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994. С. 119.

⁸⁸ *Троицкий Андрей, святи. села Никольского.* Муж-варвар // Пензенские губ. вед. 1880. № 240. С. 398.

⁸⁹ *Уральск* // Русский курьер. М., 1880. № 97. С. 102; *Дело об истязании* // Волжско-Камское слово. Казань, 1882. № 119. С. 133.

⁹⁰ РКЖБН. Т. 5. Ч. 3. С. 212.

⁹¹ Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 463.

⁹² Там же. Т. 4. С. 150.

⁹³ «Женщины в здешней местности, если бы им была дана власть, то своих мужей заставили бы, как можно выразиться, лизать им ноги, а потому и не бить их мужьям совершенно невозможно» (Там же. Т. 5. Ч. 3. С. 359; Т. 1. С. 217; Т. 5. Ч. 3. С. 230).

«Старое понятие, приравнивавшее жену к рабочему скоту, выражается и во встречающемся нередко наказании жены мужем припряганием ее к лошади; это наказание применяется исключительно к жене, непокорной мужу...»⁹⁴ Даже в начале XX в. это наказание — впрягание неверной жены в телегу или сани вместо рабочего скота (при этом «муж заставлял везти его, а сам бил жену плетью», «привязывал жену к оглобле за косы, а сам гнал лошадь вскачь) — встречалось в Алтайском крае, и его помнили старожилы, жившие там после войны.⁹⁵ Типичным наказанием неверных жен у южнорусских казаков было привязывание изменщицы на ночь на могильном кресте с завязанным над головой подолом. Для еще большего устрашения применялось привязывание женщины («юбку на голову завязать») «к лопасти, к крылу мельничному — и на малый оборот». «Пусть покружится голая при всем святом народе...», — рассуждали инициаторы ритуалов опозорения.⁹⁶

Если такие нравы царили в центральной России, то на окраинах отношение к супружеской неверности могло быть совершенно иным. Чем южнее, тем очевиднее была строгость, чем севернее, тем мягче относились к проступкам такого рода. Кроме того, в отличие от обычного, светское, официальное, писаное право было куда более гуманным в отношении адюльтера. Но... большинство юристов в XIX в. не допускали возможности равной ответственности за супружескую измену для обоих полов. «Одинаковая ответственность мужа и жены за прелюбодеяние идет вразрез с общественным сознанием и глубоко вкоренившимися понятиями и нравами общества, основанными не на априорных теоретических рассуждениях, а на требованиях действительной жизни, вытекающих из экономических и социальных условий ее, и пока последствия не изменятся до полного уравнивания обоих полов не только в правах своих, но и в деятельности, роде занятий и приобретении средств к жизни, скажу более — пока рожать незаконно прижитых детей будут только прелюбодействующие жены, а не мужа, до тех пор прелюбодеяние жены всегда почитается и будет на деле более преступным, чем нарушение супружеской верности со стороны мужа». «Трудно представить себе счастливое продолжение брачной жизни, взбаламученной возбуждением уголовного преследования за неверность; трудно допустить, чтобы отбытое наказание возбудило уснувшие чувства любви. Но нет достаточных оснований отвергать наказуемость прелюбодеяния после расторжения брака», — размышлял один из русских юристов, предлагая за измену

---

⁹⁴ Из Новомосковского уезда // Новороссийский телеграф. Ежед. газета. Одесса, 1887. № 3719. С. 3.

⁹⁵ Сафьянова А. В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 96.

⁹⁶ Рыблова М. А. Материалы этнографической экспедиции ВолГУ за 1999 г. // Материалы этнографической экспедиции ВолГУ за 1999 г. Волгоград, 1999. Т. 2. С. 50.

«вначале разводить, а затем наказывать», ибо «государство же должно позаботиться, чтобы такие события отнюдь не имели места <...> Угроза соответствующим уголовным наказанием, подкрепляемая неуклонным ее применением, охладил бы не одно пылкое сердце». ⁹⁷ Но пока юристы обсуждали, стоит ли или не стоит наказывать за адюльтер, народ вырабатывал свои привычки. Нижегородский информатор из Лукояновского уезда, отметив, что «случаи супружеской неверности бывают довольно часто», указал на новшества, о которых прежде и не слыхивали: «На вопрос, почему она оставила мужа, — отвечает: “Надоел... Не люб...”» ⁹⁸

* * *

Отношение к позорящим девушку или женщину наказаниям за неверность как к обязательному акту возмездия стало «размываться» в условиях войн и революций начала и особенно середины XX в. При советской власти тема «Стыд — та же смерть» неожиданно трансформировалась в годы, когда разводы были изатруднены и проводилась сталинская пронаталистская политика, направленная на «укрепление семьи». ⁹⁹ Это, несомненно, тема для отдельного исследования, ¹⁰⁰ но очевидно, что и в измененном виде наказания появились в годы, когда частная жизнь индивидов постепенно переставала быть таковой, то есть внерабочие отношения и частные интимные связи становились предметом «разборов» на комсомольских и партийных собраниях.

Даже в годы хрущевской «оттепели» сохранялась «традиция» гласного обсуждения семейных кризисов, связанных с адюльтером, обсуждения (и осуждения) их в рабочих и производственных коллективах, на партийных, профсоюзных собраниях. ¹⁰¹ Государственная политика поддержки семейного союза нашла выражение в манипулировании мораль-

⁹⁷ Уголовное Уложение. Объяснение к проекту Редакцион. Комиссии (Часть особенная). 1885. С. 209; Краус (архангельский губ. прокурор). Непотребство // Свод замечаний на проект особенной части Уголовного Уложения. Т. III. СПб., 1885. С. 367; Абрашкевич М. М. О прелюбодеянии... С. 382.

⁹⁸ РКЖБН. Т. 4. С. 253.

⁹⁹ Даль В. И. Пословицы и поговорки // Толковый словарь В. Даля On-Line [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vidahl.agava.ru/zavet.htm>; То же // Прибаутка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pribautka.ru/proverbdaahl/175.html>; Казьмина О., Пушкарёва Н. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы: Модели для сборки. Кн. 1 / Сост. С. Ушакин. М., 2004. С. 200.

¹⁰⁰ Пушкарёв А., Пушкарёва Н. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / Ред. Е. Ярская-Смирнова, П. Романов. М., 2007. С. 199–227.

¹⁰¹ Жидкова Е. М. «Попросил прощения у жены и извинился перед коллективом» // Социальная история. 2009. М., 2009. С. 347–375.

ной категорией «прочной советской семьи»,¹⁰² а коллективные решения «по справедливости» очень часто превращались в самосуд. С точки зрения современных социопсихологов, собрания с целью дисциплинировать провинившегося представителя сообщества исторически восходят к покаянным практикам восточного христианства.¹⁰³ По нашему мнению, свою лепту «внесли» и традиции русских сельских сходов в южной России, где выносили вердикты о виновности женщин и мерах наказания. За неполный век невозможно было полностью избавиться от такой социальной памяти. Не случайно и французский исследователь Ален Блюм предупреждает о том, что необходимо с осторожностью оценивать воздействие индустриализации на семейные взаимоотношения, подчеркивая консервативность традиционных российских семейных структур и сохранение основного элемента стабильности семьи — института брака: СССР стал индустриальной страной, но в общественном сознании были укоренены старые воззрения.¹⁰⁴

В XXI в. вопросы *девичьей чести* как категории корпоративной (девичьей) морали редко обсуждаются девочками (зато очень часто становятся поводом для дискуссии при обращении к «традиционным ценностям», в этом принимают участие и общество, и СМИ). Это не удивительно: отношение к добрачному сексуальному опыту девушек сильно модернизировалось, однако, с одной стороны, по крайней мере 11% мужчин хотели бы видеть свою невесту девственницей, среди опрошенных 56% утверждают, что им это «безразлично», а с другой — абсолютное большинство женщин (72%) мечтают о том, чтобы их сексуальный партнер, избранный в мужа, не только не был бы девственником, а даже имел опыт в интимных отношениях.¹⁰⁵ Старые нормы о должном и разрешенном довлеют, хотя очевидно снижение значимости фактора девственности в условиях быстрого развития средств контрацепции и экономической независимости женщин. Тема неразрешенной «женской свободы» так или иначе присутствует в обсуждениях, в том числе и в СМИ. Возможно, в сельском социуме отношение к допустимости применения позорящих женщину наказаний — за добрачное ли нецеломудрие или за супружескую неверность — оказывается еще более строгим.¹⁰⁶

---

¹⁰² *Gradskova Y.* Soviet People with Female Bodies. Performing Beauty and Maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960s. Stockholm, 2007.

¹⁰³ *Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002.

¹⁰⁴ *Блюм А.* Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005.

¹⁰⁵ *Бутовская М. Л.* Язык тела. Природа и культура. М., 2004. С. 319.

¹⁰⁶ В недавней заметке «Комсомольской правды» наказание жены припряганием к лошади (дер. Малышки Лиозненского р-на Витебской обл.) названо «американским», и, как в стародавние времена, соседи предпочли не вмешиваться в расправу (Муж наказал жену по-американски // Комсомольская правда. 2005. 17 авг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kz.kp.ru/2005/08/17/doc78295/>).

Согласно последним опросам, до трети современных образованных респондентов считает, что мужчина может бить жену в наказание за что-либо, особенно «если она изменяет мужу». ¹⁰⁷ Это ли не наследие многовековой традиции?

* * *

«История наказаний — это история их постепенного вымирания», ¹⁰⁸ — так было сказано еще в XIX в. Анализ истории позорящих наказаний показал, что они существовали не всегда, период их распространения и господства ограничен. В известной мере можно согласиться с Н. Элиасом в том, что по мере упадка феодализма стыд приобретал все большую важность в структуре человеческих аффектов, ¹⁰⁹ и потому устыдительные или позорящие наказания существовали в Европе, особенно в XVI—XVIII вв.

Что касается России, то в эпоху ранней государственности, когда влияние старых дохристианских норм нравственности было весьма сильным, в среде обычных людей («простецов») никаких позорящих наказаний, похоже, не практиковалось. Все появилось позже, не ранее XVI в. К сожалению, Н. Элиас рассматривал то «смещение» от стыда к жестокому наказанию, которое обозначилось в контроле над преступностью среди низших классов по всей Европе в XVII—XVIII вв. В России кульминацией этого периода стал очевидный провал карательного произвола, существовавшего до отмены крепостного права в 1861 г. Можно предположить, что в середине XIX в. появились возможности для формирования идеала реинтеграции совершившего проступок в обычную социальную среду в Западной, а позже и в Восточной Европе. Этот концепт получил поддержку в англоговорящем мире в викторианскую эпоху, а также за ее пределами, в том числе и в России. Уже в конце XIX столетия прогрессивные русские юристы говорили о том, что современное законодательство должно стремиться не к опозорению, а к исправлению преступника, причем скорее путем его временной изоляции, а затем реинтеграции в обычную социальную среду.

В данном очерке были рассмотрены позорящие наказания для женщин, связанные с попытками поставить под контроль женскую

---

¹⁰⁷ Горшкова И., Шурыгина И. Насилие мужей против жен: данные общероссийского социологического исследования // Женщина+. Социально-просветительский журнал. 2003. № 2. С. 97.

¹⁰⁸ Jhering J. Das Schuldmoment im römischen Privatrecht Berlin, 1867. S. 4; Merkel A. Über Akkreszenz und Dekreszenz des Strafrechts // Merkel A. Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiet der allgemeinen Rechtslehre und des Strafrechts. 1899. Bd. I. S. 269, 275.

¹⁰⁹ Elias N. The Civilizing Process: The History of Manners / Ed. E. Jephcott. Oxford, 1978. P. 138.

сексуальность. Сексуальность, как и большинство других аспектов частной жизни, была «предметом» властного использования, и экспансия властных систем происходила чаще всего как раз за счет сексуальности — тут нельзя не согласиться с общим постулатом М. Фуко. В первую очередь это касалось женской сексуальности. Власть, включая государственную, постоянно «следила» за женской сексуальностью, а в XX в. в рамках советской системы надзора ухитрялась проникать в настолько интимные сферы жизни, что это и не снилось преמודернистским, то есть традиционным, культурам. Говоря о последних, стоит также принять во внимание, что ни одна из традиционных культур Европы не могла допустить слишком большую свободу поведения. Патриархатная моногамная семья, создававшаяся ради определенной цели — рождения детей, предполагала их происхождение от законного отца, иначе рушилась вся схема и порядок наследования. Кроме того (и вследствие того), сложившиеся правила поведения были тем внутренним регулятором, без которого культура не устояла бы. Без понятия «нормы» и отклонений, без правил, которые все должны были соблюдать, мог возникнуть тот хаос в области морали, который выразила русская поговорка «Дай душе волю — захочет и боле».

Пространства для мобилизации возникали благодаря самой экспансии надзора: чем более въедливо власть старалась проникнуть в помыслы индивида, тем больше ей нужны были методы устрашения, которые бы привели его к покорности. Власть надзирающего и наказывающего предполагала укрепление иерархий: оступившаяся оказывалась в полной власти и подчинении тем, кто устраивал ей «вывод». Участники жуткого действия получали более высокий статус, не совершив никаких поступков, кроме соучастия в опозорении. Господствующее положение мужчины в семье, строгое преследование супружеской неверности женщины, связь понятий «прелюбодеяние» и «разврат» в основном с проступками женщин гиперболизировались в религиозных догматах, согласно которым женщина считалась самим источником греха.¹¹⁰

Когда речь шла о нецеломудренности, непостоянстве, неверности, мужская культура фактически наказывала женщин вспышками ярости, физическими расправами за собственные слабости и невозможность обойтись без женщин, ведь воспроизводить себя можно было только при участии женщин. Именно эти факторы были принципиально важными и, вероятно, все еще лежат в основе психологического насилия над теми женщинами, которые решались, несмотря на все запреты и правила, на угрозы самых страшных физических расправ, все-таки

---

¹¹⁰ Кон И. С. Мужчина теряет свое господствующее положение: сексуальная революция имеет женское лицо // Частный корреспондент. 2009. 16 янв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=2629>.

проявить собственные желания и предпочтения. Законы, писанные и неписанные, светские и церковные, обещали им физическое и психологическое насилие, оскорбления, упреки, грубость, боль, страх, но... девушки и женщины решались преступить запреты и тем самым сохранить самоуважение, поскольку доверяли своим желаниям и своей воле.

Для чего применялись позорящие наказания?

Жесткими методами авторитаризм власти закреплял в качестве значимых личностных качеств уважение к сильному, страх перед его гневом, смирение и покорность перед лицом традиции в нормативно-ценностной личностной парадигме индивида. Сила, насилие — средства установления порядка господства; насилие над нецеломудренной девушкой и женой-изменщицей — это деструктивная реакция на уменьшение женского соучастия в определении правил поведения, соблюдаемых данной социальной группой.¹¹¹

Если хронологические пределы бытования позорящих наказаний для женщин во всей Европе — это период Нового времени (XVI—XVIII вв., в России — до середины — конца XIX в.), то пределы географические требуют специального изучения.

Сильно схематизируя и огрубляя, можно все же заметить: чем севернее, тем реже прибегали к опозорению, менее жестокими были сами формы устыжения, и наоборот, чем южнее, тем чаще и жестче были подобные действия. А у кавказских народов за лишение девственности и соблазнение чужой жены виновный вообще должен был поплатиться жизнью, причем вместе с женщиной, с которой его застали. Право на убийство обоих имел отец девушки и муж женщины; если на свадьбе нецеломудренную невесту в этих краях избивали «муж и дружки, а гости должны были плевать на нее», то после свадьбы она нередко должна была поплатиться за свою неосторожность свободой.¹¹² В регионах, близких к Северному Кавказу, русские постепенно также стали проявлять большую ответственность в отношении девичьих игр: *довиток*, *посиделок*, особенно в поселках городского типа, у железнодорожных станций, — на это обратили внимание сами современники.¹¹³

К северу и северо-западу чаще встречались отступления от обязательности целомудрия, особенно для девушек, но и в отношении замужних женщин тоже. Скажем, у словаков, чехов не наблюдалось ничего подобного позорящим наказаниям, не знали их и в Швеции,

---

¹¹¹ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь, эротизм в современных обществах. М.; СПб., 2004. С. 138.

¹¹² Люлье Л. Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Нальчик, 1990. С. 44; Камкия Ф. Г. Преступление и наказание в обычном праве абхазов // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов-на-Дону, 1999. С. 217.

¹¹³ *Перерождение* старых обычаев // Терские областные ведомости. Владикавказ, 1887. № 9. С. 9.

Финляндии, Англии, где сельские общины терпимо относились не только к добрачным связям среди молодежи, но и к внебрачным детям. У англичан устраивались концерты адской музыки *шаллал* (любопытно, что это напоминает французское название *шаривари*), но нет никаких данных, что подобным образом срамили только девушку или женщину: так поступали с теми, кто имел дурную славу, о ком распространялись слухи, нередко доставалось вдовцам или тем, кто имел большую разницу в возрасте (когда очевидно, что брак будет бездетным).¹¹⁴

В более южных регионах чаще проводили ритуалы опозоривания: у австрийцев, венгров, штирийцев это были насмешливые песни, куплеты,¹¹⁵ аналогичные *сенсеррады* исполняли испанцы (была возможность откупиться от издевательств, но если жертва не откупалась, мероприятие продолжалось несколько дней), португальцев, но опять-таки в Европе они касались осрамления не только девушки или женщины.¹¹⁶ У французов на севере, особенно в Бретани, бытовали строгие ритуалы опозорения, на юге общественное мнение было более терпимым.¹¹⁷

Репродуктивные способности — важнейший для традиционной культуры критерий не только половозрастной, но и социальной полноценности человека, что отразилось в культуре многих народов, в том числе и восточных славян. Позорящие наказания — и именно для женщин! — применялись во многих регионах. Надевание хомута на шею нецеломудренной невесте практиковали поляки,¹¹⁸ изгнание из села, избивание кнутом и проклятие (особенно если до- или внебрачная связь заканчивалась беременностью) — сербы (у них также был ритуал дырявого кубка с вином на свадьбе).¹¹⁹ У болгар нецеломудренную невесту полагалось вымыть на глазах у всего села, иногда ее на телеге отвозили обратно к родителям (и большего стыда и срама просто не

¹¹⁴ *Tomeš I.* Hlavní složky svatebního obradu na moravsko-slovenskem pomezí // *Narodopisny sborník ceskoslovenský*. 1967. S. 15; *Stíbranová T.* Uloha moralky pri vybere manželskeho partnera // *Slovenský narodopis*. 1982. N 2. S. 3; *Березина Т. А., Морозова М. Н.* Шведы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М., 1990. С. 48; *Шлыгина Н. В.* Финны // Там же. С. 9; *Шервуд Е. А.* Англичане // Там же. С. 107, 127.

¹¹⁵ *Egger I.* Die Tiroler und Vorarlbergerer. Wien, 1882. S. 365; *Weinhold K.* Zum Hochzeitcharivari // *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*. Berlin, 1900. Hf. 2. S. 207; *Руденский Н. Е.* Венгры // Брак у народов Западной и Южной Европы. М., 1989. С. 72.

¹¹⁶ *Кожановский А. Н.* Народы Испании // Брак у народов Западной и Южной Европы. М., 1989. С. 162; *Серов С. Я.* Португальцы // Там же. С. 174.

¹¹⁷ *Иванова Ю. В., Покровская Л. Ф.* Народы Франции // Там же. С. 184.

¹¹⁸ *Dworakowski S.* Zwyczaj rodzinny w powiecie Wysoko-Mazowieckim. Warszawa, 1935. S. 80–82.

¹¹⁹ Матери нецеломудренной девушки подавалось вино или ракия в рюмке с обитым краем, иногда практиковалось повязывание черного платка на голову: *Thorpebuh T.* Девочка невиност у нашем народу // Гласник Етнографског музеја у Београду. 1928. Књ. 3. С. 16. В Черногории могли отправить назад со свадьбы — без возмещения свадебных расходов, но практиковалось это редко: *Кашуба М. С.* Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. С. 126.

было), к концу XIX в. чаще выплачивали материальную компенсацию (очень большую, двойное-тройное приданое) «за причиненное зло», и она в дальнейшем не считалась частью приданого.¹²⁰

Так или иначе, но уже в начале XX в. и педагоги, и юристы активно выступали против жестоких наказаний, тем более что люди не отказывались от осуждаемого поведения, его проявления почти всегда имели место повторно, причем будучи замаскированными или сопровождаемыми другими (это показала краткая история XX в.).

В эпохи кризисов и социальных разломов, когда стоит вопрос о выживании, все общества обращаются к традициям, ища в них ответы на наболевшие вопросы сегодняшнего дня, но всегда ли апробированное веками может соответствовать современному уровню мышления и правосознания?

Лишь авторитарная культура апеллирует прежде всего к запретам. Демократическая учитывает, каковы люди в действительности, у них может быть разный «порог» стыда, как и степень самоуважения, внутренние ценности, стремление быть понятыми, варьируют принятые обществом нормы приличия. И демократическая культура апеллирует именно к ним.

---

¹²⁰ *Майнов В. Н.* Юридический быт болгар. СПб., 1871. С. 11; *Марков Х.* Сватбарски обичаи и песни: От Самоковско // Сборник НУ. 1892. Кн. 6. С. 38.